

Рамон Льюль

Книга о рыцарском ордене

*<http://www.osh.by.ru/pedia/>
1997*

Аннотация

Книга была написана Раймоном Льюлем в 1275 году. Она имела большое хождение в списках, причем не только на каталанском, на котором была написана, но также в переводах на французский и английский языки. По всей вероятности, книга воспринималась как своеобразное пособие по рыцарству на протяжении всего Средневековья, в точном соответствии с авторским замыслом. Об этом недвусмысленно свидетельствует тот факт, что она является одним из основных источников «книге о рыцаре и оруженосце» испанского писателя Х. Мануэля и что английская версия, появившаяся в 1484 году, была увековечена в издании У. Кэкстона, первопечатника Англии.

Содержание

Пролог[1]	4
Часть 1	12
Часть 2	19
Часть 3	39
Часть 4	48
Часть 5	55
Часть 6	63
Часть 7	77

Рамон Льюль

Книга о рыцарском ордене

*Господь, всеблагой и преславный, всё
сущее в себе заключающий: в милости Твоей
и благоволении берёт начало сия книга,
повествующая о рыцарском ордене.*

Пролог¹

Подобно семи планетам², которые суть тела небес-

¹ Книга была написана Раймоном Льюлем в 1275 году. Она имела большое хождение в списках, причем не только на каталанском, на котором была написана, но также в переводах на французский и английский языки. По всей вероятности, книга воспринималась как своеобразное пособие по рыцарству на протяжении всего Средневековья, в точном соответствии с авторским замыслом. Об этом недвусмысленно свидетельствует тот факт, что она является одним из основных источников «книге о рыцаре и оруженосце» испанского писателя Х. Мануэля и что английская версия, появившаяся в 1484 году, была увековечена в издании У. Кэкстона, первопечатника Англии. Издание Кэкстона пользовалось большой популярностью в Англии вплоть до шекспировской эпохи. Настоящий текст взят из серии «Литературные памятники» Российской Академии Наук, в переводе В.Е.Багно (1997 год).

² Подобно семи планетам.... – Далеко удаленные от Земли планеты

ные, а посему опекают и направляют тела земные, я разделил мою «Книгу о рыцарстве» на семь частей³, памятуя о том, что рыцари наделены превосходящими простолюдинов положением и достоинством, дабы управлять ими и заботиться о них. В первой части речь пойдет о предназначении рыцарства. Во второй – об обязанностях рыцарства. В третьей – об испытании, которому должно подвергнуть оруженосца, вознамерившегося стать рыцарем. В четвертой – об обряде посвящения в рыцари. В пятой – о символике рыцарского вооружения. В шестой – о рыцарских обычаях и нравах. В седьмой – о почестях, которые надлежит воздавать рыцарю.

Случилось как-то в одной стране, что некий мудрый рыцарь,⁴ который долгие годы поддерживал рыцар-

(Уран, Нептун, Плутон и др.) были обнаружены только в Повое время с помощью оптических приборов.

³ *я разделил мою «Книгу о рыцарстве» на семь частей...* – Льюль разделял со своими современниками веру в магическое значение числа семь. В те же годы, когда Льюль писал свою «Книгу о рыцарском ордене», в Кастилии была завершена работа над «Книгой законов» (1263—1265), в составлении которой самое активное участие принимал Альфонс X Мудрый и которая приобрела известность далеко за пределами Пиренейского полуострова под названием «Семь мастей».

⁴ *...некий мудрый рыцарь...* – Было бы явной натяжкой полагать, что под рыцарем, ставшим на старости лет отшельником, Льюль разумел самого себя. Достаточно сказать, что в пору написания им «Книги о рыцарском ордене» ему было от силы 44 года и он был полон сил и здоровья. Однако автобиографический элемент очевиден как в судьбе героя, сменившего рыцарский и куртуазный образ жизни на отшельнический, так и в

ский орден своей дерзновенной и беспримерной доблестью и которого долго хранила мудрая судьба во славу рыцарства во время войн и турниров, штурмов и битв, задумавшись над тем, что дни его сочтены и что для ратных дел он по старости уже не годится, решил отныне нести жизнь отшельника. Он отказался от своих имений, оставив их детям, уединился в густом лесу, обильном источниками и плодоносящими деревьями, построил себе шалаш и удалился от мира, дабы телесная дряхлость, вызванная старостью, не обесчестила того, чью честь мудрая судьба столь долго хранила. И задумался рыцарь о смерти, размышляя о времени, стремительно текущем из века в век, и понял он, что близок к объяснению всего происходящего.

В лесной чаще, в которой поселился рыцарь, была живописная поляна, которую украшало древо, все усыпанное плодами. Неподалеку от этого древа протекал ясный, сверкающий ручей, питавший влагой поляну и все растущие окрест деревья. Рыцарь имел обыкновение посещать ежедневно этот уголок, дабы возноситься мыслями и молитвами к Господу, которому он воздавал хвалу за ту неизъяснимую благодать, коей был осенен на протяжении всей своей жизни.

Как-то ранней весной некий достославный король,⁵

наставлениях отшельника, отражающих религиозно-философскую доктрину Льюля.

⁵ ...некий достославный король... – Скорее всего, речь идет о Жауме

преисполненный достоинств и добродетелей, создал свой двор. Привлеченный громкой славой, которой пользовался двор этого короля, решил отправиться к нему некий достойный оруженосец, один, без попутчика, верхом на своем коне, вознамерившись быть посвященным в рыцари; и так утомился он в пути, что, сидя в седле, задремал. В это же самое время рыцарь, уединившийся в лесной чаще для покаяния, пришел по обыкновению к источнику, дабы, отрешившись от тщеты сего мира, созерцать Господа.

Воспользовавшись тем, что оруженосец заснул, его конь свернул с дороги, углубился в лес и брел по нему по своему усмотрению, пока не оказался у ручья, где рыцарь пребывал в молитве. Как только рыцарь увидел оруженосца, он прервал молитву, устроился в тени дерева на живописной поляне и погрузился в чтение книги, которую носил с собой в сутане. Конь стал пить из источника воду, а дремавший доселе оруженосец, почувствовав, что конь остановился, проснулся и увидел перед собой рыцаря, старого годами, длиннородого, с длинными прядями волос и в рваной одежде; от суровой аскезы был он изможден и худ; от непрерывных рыданий поблекли его глаза, да и весь его об-

II, короле Майорки, сыне Жауме I Завоевателя, короля Арагона. Став монархом, Жауме II продолжал оказывать покровительство своему вассалу Льюлю, который еще в юности, до своего обращения, занимал при его дворе привилегированное положение.

лик выдавал в нем человека праведной жизни. Велико было их удивление, когда узрели они друг друга, ибо рыцарь долгое время, с тех пор как оставил он свет и расстался с оружием, провел в уединении; а оруженосец дивился тому месту, в котором он очутился.

Спешился оруженосец, почтительно приветствуя рыцаря, и отвечал ему рыцарь со всей возможной учтивостью, и расположились они на мягкой траве друг против друга. Догадался рыцарь, что оруженосец, оказывая ему честь, не хочет говорить первым, и сказал:

– Друг мой, каковы ваши планы, откуда вы путь держите и зачем вы сюда прибыли?

– Господин мой, – ответил оруженосец, – пронесся слух, что один достоправный король вознамерился устроить великое празднество, дабы во время оно не только самому вступить в рыцарский орден, но посвятить в рыцари и других баронов – своего королевства и запредельных стран; потому-то я и направляюсь к его двору, дабы быть посвященным в рыцари. А в этом уединенном месте я оказался благодаря моему коню, который забрел сюда, пока я спал, сморенный многодневной усталостью.

Стоило лишь рыцарю услышать о рыцарстве, как вспомнил он о рыцарском ордене и обо всем том, что связано с рыцарями, вздохнул он и глубоко задумался, памятуя о высокой чести, которая была ему, благодаря его многолетней принадлежности к рыцарству, дарова-

на. И спросил оруженосец рыцаря, погрузившегося в воспоминания, о чем задумался он. Рыцарь ответил:

– Сын мой, я думаю о рыцарском ордене и о высоком предназначении рыцаря, призванного поддерживать славу рыцарства.

Оруженосец попросил рыцаря поведать ему о рыцарском ордене и о назначении человека сохранять и приумножать славу, дарованную ему Господом.⁶

– Что слышу я, сын мой! – воскликнул рыцарь, – тебе неведомо, в чем заключаются обычаи и установления рыцарства? Как же ты можешь мечтать о рыцарстве, если не имеешь представления об установлениях рыцарства? Ибо невозможно быть опорой ордена, о котором не имеешь представления, равно как нельзя и любить орден и все, что с ним связано, если неведом тебе сам орден и все те козни, которые против ордена замышляются. И ни один рыцарь, не сведущий в рыцарстве, не смеет посвящать в рыцари, ибо беспутен тот рыцарь, который напутствует другого рыцаря и наставляет его в рыцарских устоях и обычаях, сам не имея о них представления.

Выслушав упреки и порицания рыцаря оруженосцу,

⁶ ...и приумножать славу, дарованную ему Господом. – Ссылка на «Господа» отсутствует в рукописи, на которой основывается издание, осуществленное Альбером Соле, однако он вполне убедительно восстанавливает, опираясь на другие рукописные источники, очевидный в данном конкретном случае пропуск.

вознамерившемся стать рыцарем, оруженосец сказал рыцарю:

– Господин мой, если бы вы сочли возможным просветить меня в устоях рыцарства, полагаю, что я вполне способен был бы их усвоить и следовать рыцарским обычаям и установлениям.

– Друг мой, – сказал ему рыцарь, – обычаи и установления рыцарства заключены в этой книге, которую я время от времени перечитываю, дабы не забывать о милости и благорасположении, которыми Господь меня одарил, ибо ко славе и процветанию рыцарского ордена я приложил немало сил; и если рыцарь всем, что ни есть в нем, обязан рыцарству, то и сам он должен быть готов пожертвовать всем ради рыцарства.

Рыцарь протянул книгу оруженосцу; и, прочитав ее, тот понял, что рыцарь – это один из тысячи, избранный, которому предначертан наибогороднейший удел; осознал он устои и обычаи рыцарства и, поразмыслив немного, сказал:

– Хвала Создателю за то, что привел он меня вовремя в это место, где открыли мне глаза на рыцарство, к которому я столь долю стремился, не ведая ни благородства его установлений, ни славы, которой Господь одарил всех тех, кто принадлежит к рыцарскому ордену.

«Дорогой друг, – сказал рыцарь, – дни мои сочтены, недолго мне осталось жить; и если книга эта предна-

значена для того, чтобы вновь утвердились на земле благочестие, верность и устои, которые должны воцариться, дабы мог рыцарь поддерживать свой орден, возьми, сын мой, эту книгу ко двору, к которому ты направляешься, и просвети с ее помощью всех тех, кто вознамерился стать рыцарем; храни ее хорошенько, ибо теперь ты ее обладатель, если только тебе дорог рыцарский орден. А когда ты уже будешь посвящен в рыцари, заверни в наши края и поведай мне о тех, кто, став рыцарями, не подчинился рыцарскому уставу».

Рыцарь благословил оруженосца, и оруженосец взял книгу, сердечно попрощался с рыцарем и, сев на коня, в веселом расположении духа отправился на празднество. Прибыв ко двору, он поведал о книге, показав ее благочестивому королю и всем его приближенным, и добился того, что всякий, кто мечтал быть посвященным в рыцари, мог переписать книгу, дабы каждый раз, перечитывая ее, вспоминать о рыцарском ордене.

Часть 1

О предназначении рыцарства

Иссякли в мире милосердие, преданность, справедливость и правда;⁷ утвердились враждебность, вероломство, несправедливость и ложь, замешательством и смятением был охвачен народ Христов, который был призван к тому, чтобы любить, познавать, превозносить и бояться Господа.

В мире, в котором не оставалось места милосердию, попранной оказалась справедливость, и тогда она была вынуждена для восстановления своего достоинства прибегнуть к помощи страха; ради этого весь народ был поделен на тысячи, а из каждой тысячи был избран и выделен один,⁸ самый обходительный, самый мудрый, самый преданный, самый сильный и превосходивший всех благородством, просвещенностью и учтивостью.

⁷ ...*правда*... – Следуя убедительной аргументации Альбера Соле, восстанавливаем слово «правда», опущенное в списке Библиотеки Каталонии в Барселоне.

⁸ ...*а из каждой тысячи был избран и выделен один*... – В «Семи частях» Альфонса Мудрого, в разделе, посвященном рыцарству и имеющем много точек соприкосновения с книгой Льюля, также речь идет о том, что «из каждой тысячи человек надлежит выбирать одного, достойного быть рыцарем» (ч. 2, гл. 21, закон 1).

Среди животных было выбрано животное самое красивое, самое быстрое и самое выносливое, наиболее приспособленное к тому, чтобы служить человеку; а копь скоро конь – самое благородное из всех животных, способное как нельзя лучше служить человеку, то его и решили предоставить человеку, выбранному среди других людей, и назвали этого человека рыцарем.⁹

Едва лишь наиболее благороднейший человек был обеспечен наиболее благороднейшим животным, возникла необходимость снабдить его достойными доспехами, пригодными для сражений и способными предохранить от ран и от смерти; и такие доспехи были найдены и вручены рыцарю.

Следовательно, кто вознамерился стать рыцарем, должен задуматься и поразмыслить над высоким предназначением рыцарства; желательно, чтобы душевное благородство и надлежащее воспитание были в согласии с предназначением рыцарства, иначе рыцарь вступит в вопиющее противоречие с рыцарским орденом и его принципами. Ибо не следует рыцарскому ордену пятнать свое доброе имя, пополняясь врагами и людьми, жизненные принципы которых ему враждебны.

Между любовью и трепетом царит согласие, равно

⁹ ...и назвали этого человека рыцарем. – К сожалению, в русском переводе неизбежно утрачивается непосредственная связь между словами «cavayler» («рыцарь») и «caval» («конь»).

как царит оно и между враждой и пренебрежением; поэтому люди, отдавая должное душевному благородству, изысканности манер и той высокой чести, которой рыцарь был достоин, будучи избран и наделен конем и доспехами, станут любить его и трепетать перед ним; и тогда вместе с любовью вернутся в мир милосердие и доброжелательность, а вместе с трепетом вернутся правда и справедливость.

Мужчина, наделенный от природы более глубоким и обширным умом, чем женщина, и превосходя ее силой, может быть лучше женщины; ибо если бы он уступал ей в этом, получалось бы, что доброта и мощь не имеют ничего общего с великодушием и добрыми делами. Отсюда следует, что мужчине не только в большей степени, чем женщине, предназначено быть добрым и великодушным, но он более, чем женщина, предрасположен и к вероломству; ибо не будь так, не был бы он достоин больших высот в великодушии и не проявлял бы большей душевной щедрости, чем женщина.

Хорошенько задумайся, оруженосец, что тебя ждет на поприще рыцарства; ибо если ты станешь рыцарем, то свяжешь себя и славой, и служением, сопряженными с друзьями рыцарства; чем выше твои добродетели, тем безусловнее твой высокий долг перед Богом и людьми; если же ты поступаешь вероломно, то становишься смертным врагом рыцарства, чуждым его

принципам и его славе.

Столь высоки достоинства рыцарского ордена, что не только вступают в него наиболее благороднейшие люди, обладающие наиболее благороднейшими конями и наиболее благороднейшим оружием, но стало само собой разумеющимся, что люди, принадлежащие к рыцарскому ордену, становятся сеньорами. И если быть господином столь почетно, а рабом столь прискорбно, то можешь себе представить, сколь унижительно для твоих добродетельных подданных или соратников сознавать, что ты, принадлежа к рыцарскому ордену, был подлым и низким; ибо твоя низость выдавала бы в тебе скорее подданного и недостойн ты был бы принадлежать к отмеченным благородством рыцарям.¹⁰

Быть избранным, иметь коня, доспехи и быть господином еще недостаточно для того, чтобы претендовать на высокую честь принадлежности к рыцарству, ибо рыцарь нуждается также в оруженосце и стремянном, которые заботились бы о нем и о его конях. Необходимо также, чтобы кто-то пахал, перекапывал землю и выпалывал сорняки, дабы давала она плоды, которыми питаются рыцарь и его кони; следует ему также ездить верхом, вести жизнь сеньора и находить усладу

¹⁰ ...и недостойн ты был бы принадлежать к отмеченным благородством рыцарям. – В списке, хранящемся в Библиотеке Каталонии в Барселоне: «достоин». Уточнение вносится на основе списка из Библиотеки Барселонского Ате-нея.

в том, что приносит тяготы и заботы его подданным.

Доктриной и учением вооружены клирики, дабы с готовностью и со знанием дела любить, познавать и славить Господа и его творение, просвещать истинным учением народ и давать ему пример любви и прославления Господа; а поскольку миссия эта требует знаний и подготовки, они обучаются в школах. Тем самым ясно, что как клирики, отличаясь целомудренной, достойной подражания жизнью и большими познаниями, призваны своим орденом к тому, чтобы склонять людей к благочестию и добродетельной жизни, так и рыцари, оправдывая свое предназначение душевным благородством и мощью своей длани, принадлежат к ордену, призванному к тому, чтобы держать людей в страхе, дабы не осмеливались они совершать преступления друг против друга.

Наука и школа рыцарства предписывают рыцарю позаботиться о том, чтобы сын его в юном возрасте был обучен верховой езде, ибо, не овладей он этим искусством в юности, в старости он им уже не овладеет. Необходимо также, чтобы сын рыцаря, будучи оруженосцем, приучился ухаживать за конем; желательно также, чтобы сын рыцаря, прежде чем стать господином, побывал в подчиненных и привык прислуживать господину, ибо как же иначе, став рыцарем, узнал бы он, в чем заключается достоинство сеньора. Поэтому следует рыцарю отдать своего сына в услужение к дру-

тому рыцарю, дабы научился он прислуживать за столом и в походе,¹¹ равно как приобрел иные рыцарские навыки.

Подобно тому, как желающий стать плотником должен поступить в подмастерья к плотнику, а желающий стать сапожником поступить в подмастерья к сапожнику, тот, кто искренне помышляет о рыцарском ордене, должен поступить в услужение к рыцарю; ибо если бы оруженосец, вознамерившийся стать рыцарем, осваивал бы науку рыцарства у кого бы то ни было, но только не у рыцаря, это было бы столь же несуразно, как если бы плотник обучал тонкостям своего ремесла того, кто готовится стать сапожником.

Так же как у судейских, лекарей и клириков есть учебные книги и посещают они лекции и обучаются своим наукам, и в рыцарском ордене было бы недостаточно лишь на практике обучать оруженосца заботиться о коне, служить своему господину, ратоборствовать вместе с ним и прочее, но желательно было бы обучать рыцарской науке в специальных школах, и чтобы наука эта была описана в книгах, и чтобы она преподавалась, подобно иным наукам, и чтобы сыновья рыцарей сначала обучались бы азам рыцарской науки в школах, а затем становились оруженосцами и следовали

¹¹*прислуживать за столом и в походе*... – В каталонском оригинале речь идет о более конкретных обязанностях оруженосцев – разрезать мясо («*taylar*») – и надевать сбрую, запрягать («*guarnir*»).

за рыцарями в их походах.

Если не будет недостатка в клириках и в рыцарях, все будет в порядке и с остальными людьми; ибо благодаря клирикам они проникаются благочестием и любовью к Господу, а благодаря рыцарям остерегаются совершать преступления друг против друга. Отсюда следует, что если клирики, совершенствуясь в своем деле, посещают школы, где в их распоряжении имеются учителя и науки, и если столько наук изложено в письменном виде, вопиющей несправедливостью по отношению к рыцарской науке является тот факт, что она не удостоена до сих пор чести быть оформленной в виде доктрины для преподавания в школах,¹² подобно иным наукам. Исходя из всего вышеизложенного, автор этой книги обращается к королю и его придворным, собравшимся, чтобы воздать должное рыцарству, и просит он их воспользоваться его трудом к вящей славе рыцарского ордена, столь любезного Господу.

¹² ...*быть оформленной в виде доктрины для преподавания в школах...* – Одной из задач, которую ставил перед собой Льюль, и было написание трактата, способного служить этой цели.

Часть 2

Об обязанностях рыцарства

Обязанности рыцаря вытекают из тех целей и задач, которые перед рыцарским орденом поставлены. Отсюда следует, что если рыцарь не выполняет возложенных на него обязанностей, то он вступает в вопиющее противоречие как с орденом, так и с его предназначением, о котором выше шла речь; ввиду помянутого противоречия он не является истинным рыцарем, хотя бы он и носил это имя; подобный рыцарь достоин большего презрения, нежели ткач или трубочник, выполняющие свои обязанности.

Рыцарь обязан поддерживать и защищать святую католическую веру, ради которой Бог Отец послал своего Сына воплотиться через Пресвятую Деву Марию, Владычицу, и восславить веру, приняв многие унижения, страдания и мученическую смерть. Отсюда следует, что, подобно тому как Господь Бог возложил на клириков обязанность поддерживать святую перу Священным писанием и послушничеством, донося ее до неверных с таким пылом, чтобы те были готовы умереть за нее, Вседержитель обязал рыцарей силой оружия покорять и подавлять неверных, неустанно пытающихся разрушить Святую) Церковь. Вот почему Гос-

подь и на этом и на том свете воздаст должное рыцарям за то, что ревностно отстаивают они дело Божье и веру, которой мы все спасемся.

Рыцарь, верующий, но пренебрегающий обрядами, не имеет ничего общего с теми, кто крепок в вере, и подобен он тем, кого Господь наделил разумом, но кто ведет себя по своему разумению¹³ и безрассудно. Отсюда следует, что тот, кто верует, но склоняется к неверию, вознамерился спастись вне веры; тем самым надежды его коренятся в неверии, которое противно вере и спасению; и за свое неверие человек этот будет осужден на вечные муки.

Много возможностей открыты Господом людям, готовым служить ему. И все же самых почетных, самых достойных, самых заветных – две: священничество и рыцарство; вот почему священник и рыцарь должны быть связаны теснейшими узами дружбы. Отсюда понятно, что как клирик, действующий вопреки установлениям рыцарства, нарушает установления духовенства, так и рыцарь, действующий вопреки и во вред установлениям духовенства, призванного относиться

¹³ ...но кто ведет себя по своему разумению... – В данном случае мы следуем списку, хранящемуся в Библиотеке Каталонии в Барселоне, не внося в него коррективы, ибо считаем вполне допустимым и отнюдь не абсурдным противопоставление «raho», т. е. разума, которым нас наделил Господь, и «de sa raho», т. е. «своеволия», стремления человека жить «по своему разумению», а не только «de desraho», т. е. «неразумно», как полагает, опираясь на другие списки, Альбер Соле.

с теплотой и участием к рыцарскому ордену, противостоит установлениям рыцарства.

Служение ордену заключается не только в том, чтобы быть преданными своему ордену, но и в том, чтобы быть преданными всем другим орденам. Поэтому преданность своему ордену и пренебрежение к чужому несовместимы с истинным служением, ибо по замыслу Всевышнего ордена находятся в согласии друг с другом. Отсюда следует, что как монах чужд своему ордену, если свой орден ему дорог, а чужой – нет, так и рыцарь чужд своему ордену, если свой орден ему дорог, а чужой ненавистен и отвратителен. Ибо если бы рыцарь, выполняя установления своего ордена, отторгал и уничтожал другой орден, получалось бы, что Господь и орден противны друг другу, что невозможно.

Обязанности рыцаря настолько благородны, что все рыцари должны были бы быть владельческими сеньорами; беда лишь, что на всех рыцарей владений не хватит. Подобно Творцу, который всему является господином, император должен быть рыцарем и господином для всех рыцарей; однако один он всеми рыцарями управлять не имеет возможности, поэтому помогать ему управлять рыцарским орденом должны монархи, которые, также будучи рыцарями, уступали бы ему по положению. Вассалами же монарха должны быть гра-

фы, кондоры, инфансоны¹⁴ и иные ступени в иерархии рыцарства; ниже всех располагаются рыцари-однощитники,¹⁵ находящиеся в подчинении вышеперечисленных категорий рыцарства.

Явным умалением величия, мудрости и власти Господа Бога, которому одному лишь дано править и владеть всем сущим, было бы наделение какого-либо рыцаря правом по собственной воле управлять всеми людьми, обитающими на нашей земле, ибо будь это так, величие, власть и мудрость Господа Бога не были бы столь безусловными. Вот почему Господь распорядился так, чтобы человечеством управляло небольшое число рыцарей. Отсюда следует, что монарх или король, назначающие прокураторами, викариями и судьями людей, не имеющих чести быть рыцарями, наносят ущерб рыцарству, ибо у рыцаря, благодаря его предназначению, больше оснований, чем у кого бы то ни было, править людьми; ведь не секрет, что лю-

¹⁴ *Вассалами же монарха должны быть графы, кондоры, инфансоны...* – Речь идет о дворянских достоинствах в средневековой Каталонии. При этом разница между ними состояла в том, что присвоение титулов кондора и инфансона было прерогативой графов.

¹⁵ *...ниже всех располагаются рыцари-однощитники...* – Рыцарь-однощитник – представитель особой категории феодалов, обладавших лишь конем и оруженосцем. В обстановке феодальных войн и крестовых походов рыцари-однощитники становились все многочисленнее, участвуя в самых разнообразных авантюрах как у себя на родине, так и за ее пределами, в различных уголках Средиземноморья.

ди питают к нему, благодаря его высоким обязанностям, большее уважение, нежели к тем, кто этой чести не удостоен. Он наделен душевным благородством, свойственным ему как представителю своего ордена, а благодаря душевному благородству он меньше других предрасположен к злобе, к низким и подлым поступкам.

Обязанностью рыцаря являются поддержка и защита его природного господина, коль скоро ни монарх, ни король, ни иной высокородный барон не мог бы лишь собственными силами вершить справедливость среди вверенного ему народа. Отсюда следует, что, откажись весь народ или кто-то в отдельности выполнять распоряжения своего монарха или короля, рыцарь обязан встать на защиту своего господина,¹⁶ который, пока он один, столь же беспомощен, как и любой другой человек. Иными словами, подлый рыцарь, который, вместо того чтобы помогать своему господину, будет помогать его подданным или же сам вознамерится стать господином и попытается низвергнуть своего господина, не выполняет обязанностей, ради которых он был посвящен в рыцари.

¹⁶ ...откажись весь народ или кто-то в отдельности ~ обязан встать на защиту своего господина... – Характерное подтверждение неоспоримости для Льюля приоритета интересов монарха над интересами народа, несмотря на то что рыцари, по его мнению, являются лучшими представителями народа.

Рыцари обязаны отстаивать справедливость, ибо если судьи призваны устанавливать справедливость, то рыцари призваны справедливость отстаивать. В том же случае, если рыцарь будет до такой степени в ладах с науками, что овладеет знаниями, необходимыми для судьи, этому рыцарю следовало бы стать судьей; ибо тот, кто способен отстаивать справедливость, лучше других может ее и устанавливать; тем самым рыцарь вполне достоин быть судьей.

Рыцарь должен ездить верхом, участвовать в турнирах, биться на копьях, носить доспехи, всегда быть готовым к поединкам, пировать с равными себе, владеть мечом, охотиться на оленей, медведей, кабанов, пьвов, а также уметь многое другое в том же роде, что входит в обязанности рыцарей; ибо все это способствует тому, что рыцари привыкают к ратным делам и приучаются отстаивать рыцарские установления. Другими словами, пренебрегать тем, что позволяет рыцарю как нельзя лучше выполнять свои обязанности, означает пренебрегать рыцарским орденом.

Отсюда следует, что как все вышеперечисленные занятия свойственны телу рыцаря, так и душе рыцаря свойственны справедливость, мудрость, милосердие, преданность, искренность, смирение, отвага, надежда, опыт и другие подобные этим добродетели. Таким образом, рыцарь, который с готовностью занимается тем, что присуще рыцарскому ордену и имеет от-

ношение к его телу, но уклоняется от добродетелей, столь же присущих рыцарскому ордену, но свойственных душе рыцаря, враждебен рыцарскому ордену, ибо в противном случае получалось бы, что тело и рыцарство чужды душе и ее достоинствам, а это противно истине.

Рыцари обязаны поддерживать владения и угождать, ибо из-за страха перед рыцарями чернь не решается наносить им урон, равно как не решаются монархи и вельможи из-за страха перед рыцарями идти войной друг против друга. Однако подлый рыцарь, который отказывает в помощи своему истинному, природному господину, когда тот в ней нуждается, не достоин звания рыцаря и подобен вере без дел. а значит, безверию, которое противно вере. Иными словами, если бы мы признали, что поступки подобного рыцаря соответствуют рыцарскому ордену и его установлениям, получалось бы, что рыцарство и его орден находятся в противоречии с тем рыцарем, который, не жалея жизни, отстаивает справедливость, а также защищает и поддерживает своего господина.

Нет таких обязанностей, которые, будучи вменеными, не могли бы быть отменены; ибо в противном случае все сотворенное, будучи неподвластным исчезновению и разрушению, уподоблялось бы Богу, который не был создан и не может быть уничтожен. Отсюда следует, что поскольку рыцарские обязанности были

определены и предписаны Богом, а поддерживается рыцарский орден теми, кто ему предан и кто в него входит, то подлый рыцарь, выходящий из рыцарского ордена, разуверившись в нем, тем самым разрушает в себе самом рыцарственность.

Монарх или король, разрушающий в себе самом рыцарские установления, не только в себе самом разрушает свое рыцарское призвание, но и в тех рыцарях, которые ему подчинены и которые, следуя дурному примеру их господина, а также дабы угодить ему и походить на него, совершают поступки, противные природе рыцарства и его ордена. Поэтому подлые вельможи не только сами оказываются противны природе рыцарского ордена, но и вассалов своих от него отторгают, разрушая в них рыцарский дух. Отсюда следует, что если и одного рыцаря может отторгнуть от рыцарского ордена только очень низкий и подлый человек, то что же говорить о том, кто отторгнет от рыцарского ордена многих рыцарей!

О, сколь велика сила духа у того рыцаря, который побеждает и покоряет многих подлых рыцарей! Каким рыцарем и является монарх или высокородный барон, столь преданный рыцарскому ордену, что, несмотря на неустанные советы злодеев, выдающих себя за рыцарей, опуститься до вероломства, предательства и обмана и тем нанести непоправимый урон своей рыцарственности, побеждает и рассеивает всех закля-

тых врагов рыцарства, полагаясь лишь на свое душевное благородство да на поддержку, которую оказывают ему рыцарство и его орден.

Если бы рыцарство заключалось скорее в физической силе, чем в силе духа, получалось бы, что рыцарский орден имеет отношение прежде всего к телу, а не к духу; однако из этого следовало бы, что тело благороднее духа. Отсюда явствует, что, коль скоро душевное благородство не может быть поколеблено ни одним человеком, ни всеми людьми, вместе взятыми, а тело может быть сломлено и покорено другим телом, подлый рыцарь, бегущий с поля битвы и оставляющий на нем своего господина, спасая скорее свое полное сил тело, чем жалкую, подлую душонку, не отвечает установлениям рыцарства и не является верным слугой славному рыцарскому ордену, который зиждется на душевном благородстве.

Если бы рыцарскому ордену соответствовало скорее меньшее душевное благородство, чем большее, то тщедушие и низость скорее отвечали бы рыцарству, чем доблесть и сила духа; будь это так, тщедушие и низость определяли бы жизненные принципы рыцаря, а отвага и сила духа противоречили бы установлениям рыцарского ордена. А коль скоро это не так, то если ты, рыцарь, всей душой предан рыцарству, ты должен приучить себя к тому, что, чем менее у тебя осталось товарищей, оружия и провианта, тем крепче должны

быть твоя отвага и твоя надежда, дабы осилить противников рыцарства. А если погибнешь ты, защищая рыцарство, значит, оно для тебя заключало то, что действительно стоит любить, чем стоит дорожить и чему стоит служить; ибо именно в благородстве духа рыцарство находит свое пристанище. И никто так не любит, не славит рыцарства и так им не проникается, как тот, кто умирает за честь и за рыцарский орден.

Ничему так не соответствуют рыцарство и доблесть, как мудрости и здравомыслию; в противном случае в согласии с ними были бы глупость и невежество. Будь так, мудрость и здравомыслие, коль скоро они противоположны глупости и невежеству, были бы противны природе рыцарского ордена, что невозможно; ввиду этой невозможности ты, рыцарь, любовь которого к рыцарскому ордену безгранична, должен знать, что как рыцарство, благодаря твоему душевному благородству, наделяет тебя доблестью и отвагой, дабы славил ты рыцарство, так и рыцарский орден должен внушить тебе любовь к мудрости и здравомыслию, незаменимым для того, кто прославляет рыцарский орден вопреки разброду и ничтожеству мыслей вознамерившихся восславить рыцарство при помощи глупости и скудоумия.

Рыцари обязаны служить опорой вдовам, сиротам и убогим; ибо, как и вообще по природе вещей старшие должны помогать младшим и защищать их, рыцарский

орден, по природе своей великий, прославленный и могущественный, должен служить поддержкой и опорой тем, кому отказано в достоинстве и могуществе. Отсюда следует, что если насиловать вдов, нуждающихся в помощи, или лишать наследства сирот, нуждающихся в попечителе, или грабить и разорять людей убогих и немощных, нуждающихся в покровителе, отвечает установлениям рыцарского ордена, то подлость, обман, жестокость и предательство не противоречат рыцарскому благородству и чести рыцарства. А если это так, то такой рыцарь и его орден противны природе и принципам рыцарского ордена.

Если ремесленнику Господь дал глаза для того, чтобы он мог видеть и работать, то грешнику он дал глаза затем, чтобы он мог оплакивать свои грехи; точно так же рыцарю сердце дано для того, чтобы его душевное благородство имело в нем свое пристанище, достойному и могущественному рыцарю сердце дано для того, чтобы нашлось в нем место для сострадания и сочувствия, для помощи и опеки, чтобы обратил он свой взор на тех, кто с надеждой и со слезами на глазах смотрит на рыцарей, ожидая от них помощи, защиты и внимания к своим заботам. Тем самым рыцарь, чьи глаза не замечают убогих, а сердце глухо к их заботам, истинным рыцарем не является и чужд рыцарскому ордену; ибо рыцарство по своей сути настолько благородно и величественно, что отторгает оно от ордена

и от его благодеяний тех, чьи взоры тусклы, а сердца черствы.

Если бы предназначение рыцарства, столь всеми превозносимое, состояло в том, чтобы грабить и разорять бедных и убогих, соблазнять и насиловать вдов и других женщин, насколько же достойнее и благороднее было бы опекать и защищать сирот, вдов и убогих! Отсюда следует, что если бы мы признали подлость и лицемерие присущими рыцарскому ордену, столь всеми превозносимому, а обман, предательство и жестокость – теми качествами, которыми слава рыцарства и обеспечивается, насколько же достойнее рыцарства был бы тот орден, слава которого зиждилась бы на преданности, благодеянии, великодушии и милосердии!

Рыцарь обязан иметь замок и коня, дабы мог он охранять дороги и защищать крестьян. Рыцарь обязан иметь села и города, дабы отстаивать справедливость среди вверенных ему жителей и дабы собирать в одном месте плотников, кузнецов, сапожников, булочников, торговцев и людей иных профессий, занимающихся в этом мире своим делом, каждое из которых по-своему отвечает нуждам человека. Отсюда следует, что рыцари, именно для того, чтобы оказаться способными выполнять свои обязанности, обеспечены и замками, и селами, и городами; между тем, если бы обязанности рыцаря заключались в том, чтобы разрушать се-

ла, замки и города, сжигать и рубить леса и посевы, резать скот и грабить на дорогах, то изменой рыцарству было бы строить и создавать замки, крепости, села и города, защищать крестьян, содержать сторожевые башни для охраны дорог и многое в этом же роде; тем самым получалось бы, что цели, которые ставили перед собой при создании рыцарства, совпадали бы с изменой рыцарству и с его полной противоположностью.

Рыцари должны преследовать изменников, воров и грабителей; ибо подобно топору, который был создан для того, чтобы им рубили деревья, рыцарь призван истреблять дурных людей. Отсюда следует, что если сам рыцарь является грабителем, вором и изменником, а грабители и воры должны истребляться и пленяться рыцарями, то рыцарь, являющийся вором, изменником и грабителем, дабы отвечать своему предназначению, должен не кого-либо другого, а самого себя убить или пленить; в том же случае, если бы он, со всей строгостью соблюдая свои рыцарские обязанности по отношению к другим, отказался со всей строгостью отнестись к самому себе, то и предназначение рыцарского ордена скорее бы распространялось на других людей, а не на него самого. В то же время коль скоро абсолютно неестественно, чтобы кто-либо сам себя убивал, то рыцаря, оказавшегося вором, изменником и грабителем, должен убить и уничтожить дру-

гой рыцарь. Рыцарь же, который укрывает и поддерживает рыцаря, оказавшегося изменником, грабителем и вором, не отвечает своему предназначению; ибо если бы он в этом случае ему отвечал, то, убивая и истребляя воров и изменников, не являющихся рыцарями, он действовал бы вопреки своему предназначению.¹⁷

Если болит у тебя, рыцарь, одна рука, то в другой твоей руке эта боль отдается куда острее, чем во мне или в любом другом человеке; точно так же порок и ущербность рыцаря, оказавшегося изменником, вором и грабителем, ты, будучи рыцарем, принимаешь ближе к сердцу, чем я, рыцарем не являющийся. Отсюда следует, что если твоя боль ближе тебе, чем моя, почему же снисходителен ты к рыцарю, уронившему достоинство рыцарства, и при этом беспощаден к простым людям, совершившим ошибки?

Рыцарь-вор совершает куда большее преступление против высокого достоинства рыцарства, когда лишает его чести и имени, чем тогда, когда ворует деньги и другие ценности; ибо лишить чести – это значит нанести урон и запятнать то, что достойно высших похвал и почестей. А поскольку цена чести и доброй славы вы-

¹⁷ *Рыцари должны преследовать изменников, воров и грабителей ~ он действовал бы вопреки своему предназначению.* – Глава не поддается исчерпывающему толкованию. Перевод дает одну из возможных интерпретаций, в которой, однако, не делается попытка прояснить или упростить текст.

ше, чем цена денег, золота и серебра, то, запятнав рыцарство, наносят куда больший урон, чем украв деньги и другие ценности, для рыцарства посторонние. В противном случае получалось бы, что либо цена человека ниже, чем цена денег и других вещей, либо что украсть одну монету преступнее, чем украсть много денег.

Если бы изменник, убивший своего господина, соблаздивший его жену и сдавший без боя его замок, считался бы рыцарем, то как назывался бы тот, кто умер бы, спасая честь и жизнь своего господина? И если господин расхваливает своего рыцаря-изменника, какие еще преступления тот должен совершить, дабы быть осужденным и наказанным? И если господин не заботится о чести рыцарского ордена, не ополчаясь против своего рыцаря-изменника, как еще ее поддержать? И если господин не преследует изменника, может ли он вообще преследовать кого-либо, и господин ли он вообще, хотя бы своим людям?

Если рыцарь стремится обвинить изменника и уничтожить его, а рыцарь-изменник стремится скрыться и уничтожить верного рыцаря, в чем заключаются тогда устремления рыцарства? И если рыцарь-изменник со своей низменной душой тщится одержать победу над великодушным рыцарем, сражающимся за правду, что именно он тщится превозмочь и побороть? Если же поборник рыцарства и правды окажется побежденным, за какой грех он будет нести расплату и куда при этом

канет высокая рыцарская честь?

Если бы воровство входило в обязанности рыцаря, благодеяние оказывалось бы противным природе рыцарского ордена; если же благодеяние входило бы в чьи-то обязанности, сколько достоинства было бы в том человеке, в обязанности которого входило бы благодеяние? Если одаривать награбленным соответствует рыцарской чести, чему отвечало бы стремление возвращать? И если рыцарь должен овладеть тем, что Богом было даровано другому, чем же тогда рыцарь не должен овладевать?

Плохо разбирается в доверии тот, кто голодному волку доверит своих овец, и кто доверит красавицу жене молодому рыцарю-изменнику, и кто доверит свой укрепленный замок рыцарю алчному и вороватому. И если этот человек плохо разбирается в доверии, как относиться к тому, кто знает, как, что и кому стоит доверять, кто умеет возвращать и хранить то, что ему доверили?

Видели ли вы когда-нибудь рыцаря, который не хотел бы отвоевать свой замок. Видели ли вы когда-нибудь рыцаря, который не пытался бы укрыть свою жену от рыцаря-изменника? Видели ли вы когда-нибудь рыцаря-вора, который воровал бы иначе, чем украдкой? Если же вы таких рыцарей не встречали, так это потому, что их поведение не соответствует установлениям рыцарского ордена.

Рыцарь обязан иметь сверкающие доспехи и ухоженного коня; если же забота о доспехах и коне не входит в обязанности рыцаря, то в его обязанности входит и то, что есть, и то, чего нет. Если же это так, то обязанности рыцаря одновременно и существуют и не существуют; в то же время, поскольку быть и не быть суть противоположны, а лишаться брони чуждо рыцарству, то чем бы являлось тогда рыцарство без доспехов и почему бы тогда рыцарь носил это имя?

Заповедью нам предписано не лжесвидетельствовать; отсюда следует, что, если бы дающий ложные показания не противоречил рыцарскому ордену, Господь, давший нам заповеди, и рыцарство были бы противоположны друг другу; если же это так, то что есть рыцарская честь и в чем заключаются обязанности рыцаря? Если же есть между Господом и рыцарством соответствие, то лжесвидетельство чуждо природе тех, кто является поборниками рыцарства. Если же давать клятву и божиться и свидетельствовать истину было бы чуждо природе рыцаря, то в чем бы тогда заключалось рыцарство?

Если между справедливостью и сластолюбием нет противоречия, то рыцарство, соответствующее справедливости, соответствовало бы и сластолюбию; а если бы между рыцарством и сластолюбием было бы соответствие, то целомудрие, противоположное сластолюбию, оказалось бы чуждым природе рыцарской

чести; если бы это было так, получалось бы, что рыцари стремятся восславить рыцарство, дабы утвердить сластолюбие. Если же справедливость и сластолюбие чужды друг другу и рыцарство существует для отстаивания справедливости, то в этом случае между сластолюбивым рыцарем и рыцарством нет ничего общего; если же это так, то грех сластолюбия должен быть неприемлемым для рыцарства; и если бы грех сластолюбия был наказуем так, как он того заслуживает, впавших в него следовало бы изгонять из рыцарского ордена с еще большей непримиримостью, чем из любого другого.

Если бы справедливость и смирение были чужды друг другу, рыцарство, которое в ладу со справедливостью, было бы противоположно смирению и соответствовало бы гордыне. Однако если бы спесивый рыцарь отстаивал рыцарские устои, иным рыцарством оказывалось бы то, которое некогда было основано на справедливости и видело свою задачу в защите людей смиренных от спесивых и неправых. Будь это так, новоявленные рыцари не могли бы принадлежать к тому же самому ордену, к которому принадлежали другие, им предшествовавшие. Если бы нынешние рыцари соблюдали установления и выполняли те же обязанности, что и их предшественники, не было бы низости и гордыни в этих рыцарях, которые кажутся нам спесивыми и неправыми. Однако если то, что кажется низо-

стью и гордыней, на самом деле ничто, где же и в чем же тогда смирение и справедливость?

Если бы справедливость и миролюбие были бы чужды друг другу, рыцарство, которое в ладу со справедливостью, было бы противоположно миролюбию; если бы это было так, те нынешние рыцари, которые чураются мира и жаждут войн и связанных с ними бедствий, были бы рыцарями, а те, которые умиротворяют людей и избегают бедствий войны, были бы чужды рыцарству. И если те нынешние рыцари, которые творят жестокости и беззакония, сеют зло и связанные с войной бедствия, выполняют обязанности рыцарства, то хотел бы я знать, кем же тогда являются рыцари справедливые и миролюбивые по природе своей, умиротворяющие людей силой закона и силой оружия? Ибо, как и ранее, предназначение рыцарства заключается в том, чтобы умиротворять людей силой оружия; между тем если нынешние воинственные и неправые рыцари не принадлежат рыцарскому ордену и не выполняют его установлений, где же тогда рыцарство, да и сколько тех рыцарей, и каковы эти рыцари, входящие в орден?

Многообразны те пути и возможности, следуя которым рыцарь может выполнять возложенные на него рыцарством обязанности; однако ввиду того, что нам еще предстоит о многом поведать, излагаем их здесь в сжатой манере, главным же образом потому, что, выполняя просьбу одного весьма учливого оруженосца,

преданного и чистосердечного, посвятившего немало времени изучению рыцарских устоев, мы составили эту книгу в самом кратком виде, ибо и само посвящение в рыцари должно быть весьма недолгим.

Часть 3

Об испытаниях, которым должен быть подвергнут оруженосец, вознамерившийся быть посвященным в рыцари

Рыцарь, подвергающий оруженосца испытанию, должен быть глубоко преданным рыцарскому ордену; не секрет, что для некоторых рыцарей не столь уж важно, о достойных ли рыцарях идет речь, лишь бы их было много. А поскольку для рыцарства значение имеет не количество, а душевное благородство и добрые нравы, то экзаменуемый, отдающий предпочтение скорее количеству рыцарей, чем рыцарскому достоинству, не подходит для этой роли, и было бы желательно его самого подвергнуть самому строгому и нелицеприятному допросу ввиду того вреда, который он наносит высокому достоинству рыцарства.

Прежде всего следует спросить оруженосца, желающего стать рыцарем, любит ли он Господа и трепещет ли он перед ним; ибо ни один человек без любви к Господу и без страха перед ним не достоин вступить в рыцарский орден: страх будет предостерегать

от пороков, которые приносят рыцарству неизъяснимый урон. Отсюда следует, что если случайно оруженосец, чуждый любви и страха к Господу, все же оказывается посвященным в рыцари, то тем самым он, вступив в рыцарство, приобретает достоинство, в то время как рыцарство его теряет, приобретя этого оруженосца, присоединившегося к рыцарству, не прославляя Господа, вопреки всему рыцарству. А поскольку приобретать достоинство и терять достоинство суть вещи, чуждые друг другу, то оруженосец, лишенный любви и страха, не достоин быть рыцарем.

Подобно тому как рыцарь без коня не может выполнять рыцарские обязанности, оруженосец, лишенный душевного благородства, не достоин вступить в рыцарский орден; ибо душевное благородство составляет основу рыцарства, а душевная низость ведет к падению рыцарского ордена. Отсюда следует, что если оруженосец с низменными запросами хочет стать рыцарем, тем самым он хочет уничтожить орден, присоединиться к которому так жаждет; если же ему чужда природа ордена, зачем он в него стремится? А тот, кто посвящает в рыцари оруженосца с низменными запросами, зачем наносит он своему ордену подобный урон?

Не по словам суди о душевном благородстве, ибо слова нередко бывают лживы; и не по роскоши одеяний, ибо роскошное платье подчас скрывает жалкую и подлую душонку, обиталище низости и лжи. И не по

коню суди о душевном благородстве, ибо не получишь ты от него ответа; не суди о душевном благородстве по упряжи и по доспехам, ибо богатое убранство может скрывать под собой мелочную и низкую душонку. Иными словами, если ищешь ты душевное благородство, то ищи его в вере, надежде, милосердии, справедливости, отваге, преданности и иных добродетелях, ибо в них заключается душевное благородство; в них находит опору благородное сердце рыцаря, не поддающееся подлости, обману и не уступающее супостатам рыцарства.

Возраст рыцаря должен быть соответствующим, ибо если оруженосец, вознамерившийся стать рыцарем, слишком молод,¹⁸ не сумеет он перенять те обычаи, которые обязан он будет усвоить, прежде чем станет рыцарем; и не сможет он вспомнить, что обещал он во славу рыцарства, если был он посвящен в рыцари в детстве. Если же рыцарем хочет стать оруженосец старый и немощный, то оскорбление рыцарству он нанес еще до того, как одряхлел, ибо составляют его сильные духом и телом воители, а позором его покрывают немощные, убогие и оставляющие поле битвы.

¹⁸ ...если оруженосец, вознамерившийся стать рыцарем, слишком молод... – Сходная мысль содержится и в «Семи частях» Альфонса Мудрого: «...равно как не должен он быть слабоумным или малолетним, ибо, будучи лишен разума, не будет он ведать, что творит» (ч. 2, гл. 21, закон 12).

Подобно тому как место добродетели – золотая середина, а ее противоположность ударяется в крайности, проявляя свою ущербность, возраст рыцаря должен приличествовать рыцарству; будь иначе, получалось бы, что нет согласия между сообразностью и рыцарством; а в этом случае были бы чужды друг другу добродетель и рыцарство. А поскольку нет этого противоречия, зачем ты, оруженосец, еще не готовый или опоздавший быть рыцарем, стремишься вступить в рыцарский орден?

Если оруженосцу достаточно иметь привлекательные черты лица или ладную фигуру, белокурые волосы или зеркальце в суме, дабы быть посвященным в рыцари, то в оруженосцы и рыцари вполне можно было бы принять миловидного крестьянского парня или привлекательную женщину; но в этом случае мы бы покрыли позором древнее и славное сообщество; и мы уронили бы то достоинство, которым Господь наделил мужчину в большей степени, чем женщину;¹⁹ это уни-

¹⁹ ...то достоинство, которым Господь наделил мужчину в большей степени, чем женщину... – Моральный статус женщины в средневековом обществе определялся тем, что на ней лежала основная вина за первородный грех. Даже этимология призвана была служить доказательству изначального и неоспоримого превосходства мужчины и подчиненного положения женщины. Согласно Исидору Севильскому, «мужчина (uir) зовется так потому, что в нем более силы (vis), нежели в женщине, а вследствие сего он и получил имя, свидетельствующее о его добродетели, доблести (virtus)» (цит. по: d'alverny m. – th. comment les theologiens et les philosophes voient la femme // cahiers de civilisation medievale. 1977. XX-е

жение и этот позор запятнали бы рыцарский орден.

Между дворянином и рыцарем есть несомненная связь и близость;²⁰ ибо дворянин прежде всего хранит доставшийся ему по наследству кодекс чести, а рыцарь неукоснительно соблюдает свод правил и установлений, не подлежащих обсуждению с момента своего возникновения и по сей день. Отсюда следует, что коль скоро между дворянином и рыцарем есть соответствие, то если посвятить в рыцари человека, дворянином не являющегося, неизбежно возникнет противоречие между дворянином и рыцарем; таким образом, тот, кого посвятят в рыцари, окажется чуждым как дворянской природе, так и рыцарской; а если все же он окажется рыцарем, то что же такое будет в таком случае рыцарство?

Если власть твоя в рыцарском ордене столь велика, что ты способен принять в него тех, кто его не достоин, очевидно, что ты столь же способен отторгнуть от него тех, кто, будучи дворянами, вполне достойны быть рыцарями. Если же достоинство рыцарства столь велико, что ты не властен ни над ним, ни над теми, кто,

annee. n 2—3. p. 108).

²⁰ *Между дворянином и рыцарем есть несомненная связь и близость...* – Более определенно данный вопрос ставится в «Семи частях» Альфонса Мудрого: «... посему выбирать среди идадьго надлежит таким образом, дабы были они благородного происхождения по прямой линии не только от отца и деда, но и в четвертом колене, т. е. от прадеда» (ч. 2, гл. 21, закон 2).

будучи дворянами, вполне могут быть рыцарями, то ты не можешь посвятить в рыцари человека низкого происхождения.

По своей земной природе деревья и животные ничем не уступают человеку, однако душа, присущая лишь человеку, как разумному существу, придает его природе достоинство, недоступное природе животного. Поэтому устав рыцарского ордена позволяет принимать в рыцари человека и не древнего рода, в том случае, если он по своему нраву и своим поступкам того заслуживает и если за него поручится какой-нибудь достойный вельможа. В противном случае получалось бы, что рыцарственность заключается в земной природе, а не в достоинствах души; ибо присущее рыцарству душевное благородство к душе имеет куда большее отношение, чем к телу.

Принимая оруженосца в рыцари, надлежит спрашивать о его нравах и обычаях; ибо если за худые нравы недостойных рыцарей изгоняют из рыцарского ордена, то тем более не стоит дурного оруженосца принимать в рыцари, чтобы потом его за недостойные поступки и подлый нрав изгонять.

Если честь столь неразрывно связана с рыцарством, то оно должно изгонять из своих рядов всех запятнавших себя позором; если бы рыцарство не пополнялось теми, кто безупречен в отношении чести, кто дорожит ею и о ней печется, то оно бы погрязло в пороках и не

смогло бы заново воссиять во славе. Однако раз это не так, то ты, рыцарь, подвергающий оруженосца испытанию, должен прежде всего искать в нем благородство и достоинство.

Надлежит выяснить, с какой целью оруженосец хочет стать рыцарем; ибо если он добивается рыцарства, дабы разбогатеть, получить владение или же прославиться, а не затем, чтобы принести славу рыцарству или же славным рыцарям, покрывающим ее славою, то в стремлении к рыцарству он стремится его ослабить, и его бесславное стремление к тому, чтобы рыцарство принесло ему богатство, благополучие и славу, недостойно. Подобно тому как разоблачаются клирики, купившие столь желанные для них места прелатов, разоблачаются и оруженосцы, вознамерившиеся стать рыцарями вопреки установлениям рыцарства. И как клирик, корыстолюбивый по самой природе своей, чужд законам монастырской жизни, так и подобный оруженосец чужд природе рыцарства, даже если ему и удалось стать рыцарем.

Оруженосец, алчущий рыцарства, должен знать о грузе ответственности, с рыцарством сопряженном, и о тех опасностях, которым подвергаются вознамерившиеся стать рыцарями и выполнять рыцарский долг. Ибо не столько смерти должен бояться рыцарь, сколько позора, и не столько голод, жажда, жара, холод или любые иные тяготы и мучения должны страшить его,

сколько бесчестье. И поэтому обо всех этих опасностях оруженосец должен знать до того, как он вступит в рыцарский орден.

Не бывает рыцарей без доспехов, отличает рыцарей достойное поведение, и связаны с рыцарством большие расходы. Поэтому не может быть рыцарем безоружный оруженосец, не располагающий определенными средствами, ибо из-за нехватки денег он не сможет приобрести доспехов, а из-за недостатка доспехов и средств он станет грабителем, изменником, вором, лжецом, лицемером, и ничего в нем не будет от рыцарства.

Горбун, толстяк, равно как и тот, кто имеет какой-либо иной телесный изъян,²¹ не должен вступать в рыцарский орден, ибо было бы большой ошибкой принимать в рыцарский орден хилых, худосочных и непригодных к ратному делу. Столь высоко призвание рыцарства и столь громкой славой оно окружено, что увечному оруженосцу не помогут ни богатство, ни душевное благородство.

Следует выяснить, не совершил ли оруженосец какого-нибудь низкого поступка, противоречащего уста-

²¹ Горбун, толстяк, равно как и тот, кто имеет какой-либо иной телесный изъян... – Настоятельная рекомендация не принимать в рыцарский орден оруженосцев хилых и худосочных вызвана не только опасениями в связи с их неспособностью к ратным подвигам, но и тем обстоятельством, что носить тяжелые рыцарские доспехи могли только физически сильные люди.

новлениям рыцарства, ибо не исключено, что он его совершил, а в таком случае он недостоин вступить в рыцарский орден и быть одним из тех, кто печется о славе рыцарства.

Если оруженосец тщеславен, вряд ли он может быть членом рыцарского ордена, ибо тщеславие принадлежит к числу тех грехов, которые подрывают даруемые рыцарством заслуги и преимущества. Подобострастному оруженосцу также не следует быть рыцарем, ибо под подобострастием скрываются низкие цели, которые сводят на нет благие намерения и сердечные порывы рыцаря.

Оруженосец, обуреваемый гордыней, необразованный, речи которого столь же грязны, как и его одежды, пьяница, чревоугодник и клятвопреступник, жестокосердый, корыстолюбивый, лживый, вероломный, ленивый, вспыльчивый и сластолюбивый или погрязший в иных пороках, не должен быть рыцарем. В противном же случае, если бы в рыцарский орден вступали те, кто ему чужд, получалось бы, что нет разницы между хаосом и гармонией. Отсюда следует, что, поскольку рыцарство – это приведенная в гармонию отвага, каждый оруженосец, прежде чем быть принятым в рыцарство, должен быть подвергнут испытанию.

Часть 4

Об обряде посвящения оруженосца в рыцари

До своего вступления в рыцарский орден оруженосец прежде всего должен покаяться в своих грехах против Бога, ради служения которому он и вступает в рыцарский орден, или, если ему не в чем каяться, должен причаститься Телу Христову, как подобает истинному христианину.

Желательно, чтобы обряд посвящения в рыцари совершался в один из праздничных дней, когда по случаю праздника соберется много народа в том самом месте, где будет происходить обряд посвящения в рыцари и где все обратятся к Господу, моля его одарить оруженосца своей милостью и своим благоволением, дабы не запятнал он чести рыцарского ордена.

В честь того святого, праздник которого приближается, оруженосец должен накануне соблюдать пост. И надлежит ему также посетить церковь вечером накануне того дня, когда должно состояться посвящение его в рыцари, и молиться там Господу, и надлежит ему провести ночь в молитве и созерцании, и внимать словам Господа и наставлениям рыцарского ордена. Внимая

же песням жогларов, воспевающих грех и блуд,²² он немедленно проникся бы пренебрежением и презрением к рыцарскому ордену.

Утром следующего дня должна быть торжественная месса; оруженосец должен подойти к алтарю и склониться перед священником, представляющим Господа, и посвятить себя рыцарскому ордену, дабы служить Господу; и надлежит ему также поклясться отдать всего себя без остатка во славу рыцарского ордена. Желательно, чтобы в этот день читалась проповедь, в которой бы объяснялись все четырнадцать догматов веры, и все десять ее заповедей, и все семь ее таинств, равно как и многое другое, касающееся веры. И накрепко должен оруженосец все это запомнить, дабы не было для него различия между обязанностями рыцарства и целями святой католической веры.

²² *Внимая же песням жогларов, воспевающих грех и блуд...* – С X по XIII в. профессиональные певцы-исполнители, которых во Франции называли жонглерами, в Германии шпильманами, в Кастилии хугларами, а в Каталонии жогларами, бродя от селения к селению, от замка к замку, не только ходили по канату, демонстрировали дрессированных животных, жонглировали, рассказывали анекдоты, но и, сопровождая себя на примитивной скрипке-виоле, исполняли героические и народные песни, являясь, таким образом, в какой-то мере создателями западноевропейской литературы. Сходные филиппики Льюля против жогларов ср. в публикуемой в данном издании «Книге о животных» (гл. 5). Разделяя характерную для духовенства непримиримость к жогларам, полуязыческим народным праздникам и мирским песням, Льюль не пощадил и собственных сочинений, написанных им в юности в традициях поэзии трубадуров; после обращения он безжалостно их уничтожил.

Четырнадцать догматов веры таковы. Верить в Господа – первый догмат. Верить в Отца, Сына и Духа Святого – это еще три догмата. Надлежит также верить, что Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой суть едины и что Господь был всегда и всегда пребудет. Верить в то, что Господь является творцом всего сущего – это пятый догмат. Шестой заключается в том, чтобы верить в то, что Господь сотворил нас заново, ибо искупил род человеческий от первородного греха, совершенного Адамом и Евой. Седьмой заключается в том, чтобы верить, что Господь одарит славой тех, кто войдет в Рай. Эти семь догматов относятся к божественной природе Господа. Еще семь относятся к человеческой природе Сына Божьего, которой он обязан Святой Деве Марии; эти семь догматов таковы. Верить, что Иисус Христос был зачат благодаря Духу Святому в момент Благовещения Деве Марии Архангелом Гавриилом, – это первый догмат. Второй заключается в том, чтобы верить, что Христос родился. Третий – в том, что он был распят и что он принял смерть, дабы спасти нас. Четвертый – в том, что он сошел в ад, дабы вызволить оттуда Адама, Авраама и других пророков, которые при жизни уверовали в его грядущее пришествие. Пятый состоит в том, чтобы верить, что Иисус Христос воскрес: из мертвых. Шестой – в том, чтобы верить, что он вознесся на небо в день Воскресения. Седьмой – в том, чтобы верить во второе пришествие Христа, дабы

воздать праведникам и грешникам в День Страшного суда, когда все мы воскреснем. Все мы обязаны верить в эти четырнадцать догматов, которые суть свидетельства бытия Бога и его творения, и, не уверовав в эти догматы, ни один человек не может спастись.

Десять заповедей, полученные Моисеем от Господа на горе Синай, суть следующие. Люби одного лишь Господа и ему одному лишь служи. Не произноси напрасно имени Господа. Соблюдай субботу и почитай отца своего и мать свою. Не убий. Не прелюбодействуй. Не укради. Не лжесвидетельствуй. Не желай жены ближнего своего. Не желай добра ближнего своего. Каждый рыцарь должен их знать, дабы, войдя в орден, не нарушать заповедей, которые даны нам Богом.

Семь таинств Святой Церкви суть следующие: крещение, конфирмация, обедня, покаяние в своих грехах, обряд, совершаемый епископом при посвящении в сан пресвитеров, дьяконов и протодьяконов, венчание, миропомазание. Благодаря этим семи таинствам мы «спасемся». Клятва, даваемая рыцарем, обязывает его соблюдать и отстаивать эти семь таинств, поэтому каждому рыцарю надлежит знать, к чему призывает его рыцарский долг.

Догматы, заповеди и таинства, равно как и многое другое, касающееся веры, должен проповедовать священник; а оруженосец, вознамерившийся стать рыцарем, должен молить Господа, дабы удостоил он его

своих милостей и своего благоволения, благодаря которым мог бы он посвятить ему свою жизнь.

После того как священник выполнит свои обязанности, принц или знатный вельможа, согласившийся посвятить в рыцари оруженосца, алчущего рыцарства, должен последний раз задаться вопросом, обладает ли он сам высокими достоинствами рыцарского ордена, дабы наделить, с Божьей помощью, рыцарскими добродетелями оруженосца, помогающего высоких рыцарских достоинств. В том случае, если сам он лишен как добродетелей, так и достоинств, не сможет он другого наделить тем, чем сам не обладает, и тогда окажется, что он хуже растений, одним из достоинств которых является их способность размножаться, в чем им не уступают животные и птицы.

Недостойный рыцарь, пытающийся беспринципно и вопреки принципам ордена его расширить, наносит ущерб как оруженосцу, так и рыцарству; то, что должно было быть ниспровергнуто, благодаря ему утверждается, несмотря на то что надлежало ему быть отвергнутым. Подчас по вине таких рыцарей рыцарство пополняется оруженосцами, не пользующимися Господним благорасположением и не обладающими рыцарскими достоинствами; а оруженосец, принятый в рыцарский орден благодаря подобному рыцарю, оказывается никуда не годным.

Оруженосец должен преклонить перед алтарем ко-

лени и обратиться взором и душою к Богу, простирая к Господу руки. А рыцарю надлежит опоясать его мечом, что должно символизировать целомудрие и справедливость. Затем он должен поцеловать оруженосца и дать ему пощечину,²³ что символизирует милосердие, ибо напоминает ему о данных им обещаниях и о великой ответственности, которая на него ложится, а также о той великой чести, которой его удостоивают, принимая в рыцарский орден.

После того как рыцарь небесный и рыцарь земной совершили обряд посвящения в рыцари, новый рыцарь должен продемонстрировать свое умение ездить верхом и вообще показать себя людям, дабы все знали, что он стал рыцарем и взял на себя обязанность хранить и приумножать славу рыцарства, причем чем больше народу увидит его в новом, рыцарском качестве, тем труднее ему будет впоследствии запятнать честь ордена.

В этот день должно быть много разных увеселений, пиров и турниров и много всего другого, присущего рыцарским праздникам. Вельможа, посвящавший оруженосца в рыцари, должен всем новым рыцарям раздать

²³ *Затем он должен поцеловать оруженосца и дать ему пощечину...* — В «Семи частях» Альфонса Мудрого аргументируется и комментируется не только «пощечина», но и «поцелуй»: «Его надлежит поцеловать, дабы продемонстрировать этим благочестие, добронравие и братство, каковые должны царить между рыцарями» (ч. 2, гл. 21, закон 14).

подарки. Новому рыцарю также надлежит в этот день быть щедрым, ибо тот, кто получил столь бесценный подарок, как рыцарский орден, запятнает позором свой орден, если не будет одаривать других, как того требует обычай. Все это, равно как и многое другое, заслуживающее не меньшего внимания, имеет отношение к обряду посвящения в рыцари.

Часть 5

О символике рыцарского вооружения

Одеяния, в которые облачается священник, чтобы отслужить мессу, имеют определенный смысл, связанный с его предназначением. А поскольку предназначения священника и рыцаря тесно между собою связаны, то, согласно предписаниям рыцарского ордена, все, что необходимо рыцарю, дабы выполнять свой долг, имеет определенный смысл, долженствующий подчеркивать высокое предназначение рыцарского ордена.

Рыцарю принадлежит меч, имеющий крестообразную форму; это свидетельство того, что он призван побеждать и уничтожать своим мечом противников креста, подобно тому как Иисус Христос победил на кресте смерть, которой мы были наказаны по вине прародителя нашего Адама. И как меч заострен с обеих сторон, а рыцарство призвано утверждать справедливость, – справедливость заключается в том, чтобы каждому воздавать по заслугам, – так и рыцарский меч свидетельствует о том, что рыцарь должен утверждать своим мечом рыцарский орден и справедливость.

Рыцарю принадлежит копье, что свидетельствует об

истине, ибо истина не извилиста, но пряма, и она опережает ложь. А наконечник копья символизирует преимущество, которое имеет истина перед ложью, стандарт же свидетельствует о том, что истина открыта не ем и не страшится лжи и обмана. Именно и истине коренится надежда, равно как и мнение другое, воплощением же ее являете я копье.

Рыцарю принадлежит шлем, символизирующий совесть, ибо бессовестный рыцарь не будет подчиняться установлениям рыцарства. Отсюда следует, что как совесть пробуждает в людях стыдливость и заставляет их опускать глаза долу, так и шлем не позволяет человеку задирать слишком голову и заставляет его смотреть перед собой, т. е. и не опускаться слишком, и не воспарять. Подобно тому как шлем предохраняет голову, самую ценную часть человеческого тела, расположенную над другими, совесть предохраняет рыцаря, предназначение которого, после священника, самое благородное из всех существующих, от подлых умыслов, дабы благородство его духа не запятнало себя низостями, обманом или иными дурными поступками.

Рыцарю принадлежат доспехи, символизирующие замок и крепость, предохраняющие от грехов и пороков, ибо, подобно тому как опоясывают замок или крепость, дабы никто не мог их преодолеть, замкнуты и подогнаны один к другому доспехи, дабы не смогли про-

браться в благородное сердце рыцаря вероломство, гордыня, измена и другие пороки.

Рыцарю принадлежат железные наколенники, дабы предохранить его ноги; это свидетельствует о том, что железо, т. е. меч, копье, палица и другое оружие, должно помочь рыцарю охранять дороги, что является его обязанностью.

Рыцарю принадлежат шпоры, символизирующие сноровку, опыт и ревностность, которые он должен обратить во славу своего ордена. Подобно тому как рыцарь пришпоривает своего коня, дабы тот скакал как можно быстрее, – сноровка ускоряет ход событий, опыт предохраняет человека от неожиданностей, а ревностность предоставляет в распоряжение рыцаря броню и провизию, необходимые ему для его деяний во славу рыцарства.

Рыцарю принадлежит латный нашейник, символизирующий покорность, ибо рыцарь, не подчиняющийся своему господину и рыцарскому ордену, позорит своего господина и недостойн быть членом рыцарского ордена. Отсюда следует, что, подобно тому как латный нашейник предохраняет шею рыцаря от ран и ударов, покорность позволяет рыцарю сохранить верность своему господину и суверену и преданность рыцарскому ордену, дабы ни вероломство, ни гордыня, ни несправедливость, ни иной порок не нанесли ущерба клятве, которую рыцарь дал своему господину и ры-

царству.

Рыцарю принадлежит палица, символизирующая силу духа, ибо, подобно тому как она годится против любого оружия и нет от нее спасения, сила духа годится против любого порока и укрепляет добродетель и добрые нравы, благодаря которым рыцарь может умножить славу рыцарства.

Рыцарю принадлежит кинжал, к помощи которого он прибегает тогда, когда другое оружие ему уже не поможет, ибо если приблизился он к противнику настолько, что ни копьем, ни мечом, ни палицей ею уже не уда-ришь, удар можно нанести кинжалом. Поэтому кинжал свидетельствует о том, что рыцарю не следует полностью полагаться ни на свое оружие, ни на свою силу, а должен он настолько приблизиться к Богу, возлагая на него надежду, что надеждой на Бога одолеет он всех своих недругов и всех супостатов рыцарства.

Рыцарю принадлежит щит, символизирующий пред-назначение рыцаря, ибо подобно щиту, который оказы-вается между рыцарем и его врагом, сам рыцарь нахо-дится между монархом и народом. Таким образом, ры-царю надлежит прикрывать собою монарха, буде кто-то на него покусится, подобно тому как удар приходит-ся сначала по щиту и лишь затем по телу рыцаря.

Рыцарю принадлежит седло, символизирующее не-преклонность духа и бремя рыцарства, ибо, подобно тому как в седле рыцарь чувствует себя увереннее,

во время битвы рыцаря прикрывает собой непреклонность духа, приносящая ему удачу. Перед этой непреклонностью блекнет жалкое бахвальство и тщеславное ничтожество, и никто не решается выступить против того, чье тело надежно защищено душевным благородством; и столь тяжело бремя рыцарства, что из-за пустяков рыцари не должны пускаться в путь.

Рыцарю принадлежит конь, символизирующий душевное благородство, дабы, сев на него, возвышался бы рыцарь над всеми людьми, дабы виден он был издалека и дабы сам он видел далеко вокруг и раньше других смог бы выполнить то, что велит ему его рыцарский долг.

Рыцарь держит в руках вожжи, а на коня его надеты удила; это свидетельствует о том, что словно удилами должен быть стиснут его рот. недоступный для лживых и низких слов, а руки должны быть стянуты, дабы был он умеренным в просьбах и не поддавался бы безрассудству, когда благоразумие теряет голову. А вожжи символизируют, что он должен, не раздумывая, устремляться туда, где рыцарскому ордену требуется его присутствие. И, где это будет необходимо, он должен проявить щедрость, и оказать помощь, и сделать то, к чему его обязывает его положение, и быть мужественным, и не трепетать перед врагами; и если не решается он нанести удар, да закалит он свое сердце. А если рыцарь ведет себя совсем иначе, то его конь, неразум-

ная тварь, скорее отвечает установлениям и предназначению рыцарства, чем сам рыцарь.

Султан на голове рыцарского коня свидетельствует о том, что никогда не следует применять оружие без особой необходимости, ибо, подобно тому как любой всадник следует за головой своего коня, благоразумие рыцаря должно предшествовать его поступкам, поскольку безрассудные поступки столь отвратительны, что никак не должны быть свойственны рыцарю. Отсюда следует, что, подобно тому как султан предохраняет голову коня, благоразумие должно предохранять рыцаря от бесчестья и позора.

Конская сбруя служит для защиты коня от ударов; это свидетельствует о том, что рыцарь должен заботиться о своем имуществе и о своем достоянии, поскольку необходимы они ему для выполнения своего рыцарского долга. Ибо не будь у него сбруи, не был бы рыцарь предохранен от ран и ударов, а не будь у него достатка, не смог бы он приумножать славу рыцарства и не был бы он избавлен от низких помыслов, так как нищета способствует тому, что человек склоняется к подлости и вероломству.

Кожаный камзол свидетельствует о тяжелых испытаниях, которые должен претерпеть рыцарь, дабы прославить рыцарский орден. Ибо как камзол надевается поверх всего, открытый солнцу, ветру и ливню, готовый первым принять на себя всю тяжесть ударов, быть ис-

кромсанным и изорванным, так и рыцарю уготована куда более тяжелая доля, чем иным людям. Ибо все его вассалы и все его подопечные могут обращаться к нему за помощью, и всех рыцарь должен взять под свою защиту; и скорее он должен получить рану или принять смерть, нежели люди, которые отдали себя под его покровительство. А раз это так, то воистину тяжелым оказывается бремя рыцарства, и поэтому монархам и высокородным баронам уготованы тяжелые испытания, дабы могли они править своими подданными и защищать свою землю.

Рыцарю принадлежит герб на щите, седле и латах, символизирующий славу,²⁴ которую он стяжает своими подвигами и завоевывает в сражениях. Если он малодушен, тщедушен и своенравен, его герб станет предметом порицания и осуждения. И поскольку герб дает нам возможность распознать друзей или недругов рыцарства, каждому рыцарю надлежит приумножать славу своего герба, дабы избегать бесчестья, отторгающего его от рыцарского ордена.

Знамена, обладателями которых являются монарх, король или господин рыцаря, свидетельствуют о том рвении, с которым рыцарь должен заботиться о чести своего господина и о его владениях; ибо именно бла-

²⁴ ...герб на щите, седле и латах, символизирующий славу... – Щит, седло и латы рыцаря были лишены герба до тех пор, пока он не покрывал себя славой.

гополучие королевства или княжества, незапятнанная честь его господина являются залогом почитания рыцаря людьми; если же нанесен ущерб землям, вверенным заботам рыцаря, или же чести его господина, должен он быть подвергнут осуждению, большему, чем иные люди. Ибо если дарована рыцарям более высокая честь, чем прочим людям, то и превозносить их должны больше за их неустанную заботу о чести, а за бесчестье должны они быть покрыты большим позором, чем прочие люди, так как их вероломство и измена приносят монархам, королям и высокородным баронам большее разорение и теряют они по вине рыцарей больше королевств и других владений, чем из-за вероломства и измены любых иных людей.

Часть 6

О нравах и обычаях рыцарей

Если благодаря душевному благородству рыцарь превосходит людей, которые отдали себя под его покровительство, то ему должны быть свойственны благородные нравы и учтивые манеры, ибо душевное благородство присуще высокому достоинству рыцарства лишь благодаря вполне определенным добродетелям, нравам и обычаям. Если же это так, то рыцарю непременно должны быть свойственны добрые нравы и учтивые манеры.

Каждому рыцарю должны быть известны семь добродетелей, в которых коренятся все добрые нравы и которые суть дороги и тропинки, ведущие к вечному райскому блаженству; из этих семи добродетелей три богословские и четыре общие. Богословскими являются вера, надежда и любовь. Общими – справедливость, мудрость, мужество и воздержание.

Лишённый веры рыцарь не может иметь добрых нравов, ибо только вера позволяет ему видеть своим мысленным взором Бога и его творение, веря и в то, что недоступно его взору, и только вера вселяет в него надежду, любовь, преданность и готовность служить истине. Безверие отторгает человека от Бога и от его

творения и лишает его возможности познавать невидимую реальность, которая недоступна пониманию человека, лишённого веры.

Вера обязывает рыцарей, наделённых добрыми нравами, отправляться паломниками за море в Святую Землю, и с оружием в руках утверждать религию креста среди его недругов, и принимать мученическую смерть, отстаивая святую католическую веру. Вера обязывает рыцарей защищать клириков от подлого люда, измывающегося над ними и грабящего их по причине своего безверия.

Надежда является одной из самых главных рыцарских добродетелей, ибо надежда питает воспоминания о Боге во время сражений, во время сопряжённых с ними скорбей и печалей, и надежда на Бога помогает на него опереться, что приносит победу в сражениях, так как надеются и уповают рыцари скорее на могущество Бога, чем на свои силы и на свое оружие. Надежда поддерживает и питает отвагу рыцаря; надежда позволяет превозмогать бремя рыцарства и преодолевать встречающиеся на пути опасности; надежда позволяет рыцарям выносить голод и жажду, когда находятся они в осаждённых неприятелем замках и крепостях; а не будь у него надежды, не смог бы рыцарь отвечать своему рыцарскому предназначению.

Лишённый любви рыцарь будет жесток и безжалостен, а коль скоро жестокость и безжалостность чужды

природе рыцарства, то рыцарю надлежит быть милосердным. Ибо если нет в рыцаре потребности в любви к Господу и к своему ближнему, как сможет он возлюбить Господа и сострадать немощным и откуда возьмется в нем жалость к побежденному противнику, вызывающему к его жалости? Если бы любовь была чужда его сердцу, как мог бы он принадлежать к рыцарскому ордену? Именно любовь связывает воедино все добродетели и отчуждает пороки; любовная жажда неутолима для любого рыцаря и для любого смертного, чему бы он себя ни посвятил; благодаря любви бремя рыцарства оказывается не столь тяжелым. И как безногий конь не смог бы нести на себе рыцаря, так и лишенный любви рыцарь не смог бы вынести то бремя, которое его благородное сердце взвалило на себя во славу рыцарства.

Если бы человек был бесплотен, он был бы невидим; будь это так, он не был бы тем, кем он является; отсюда следует, что если бы, посвятив себя рыцарству, рыцарь оказался бы чуждым справедливости, то либо справедливость была бы не тем, что она есть, либо рыцарство было бы совсем не тем, чем оно является на самом деле. А поскольку именно в справедливости берет свое начало рыцарство, как может рыцарь, погрязший во лжи и пороках, надеяться, что рыцарский орден не отторгнет его от себя? Изгнание из рядов рыцарства осуществляется следующим образом: разре-

зают сзади перевязь меча рыцаря и забирают у него меч, подчеркивая этим, что рыцарские деяния для него заказаны. Отсюда следует, что если рыцарство и справедливость столь взаимосвязаны, что рыцарство невозможно без справедливости, то рыцарь, неправый по собственной воле, помышляющий справедливостью, сам себя изгоняет из рядов рыцарства, изменяя рыцарскому ордену и отрекаясь от него.

Мудрость – это добродетель, помогающая нам познать добро и зло, наделяющая нас знанием, которое позволяет нам любить добро и сторониться зла. Мудрость позволяет нам также предвидеть то, что нас ждет завтра, исходя из того, что есть сегодня. Мудрости мы обязаны и некоторыми предосторожностями, которые позволяют нам избегать того, что может принести вред нашему телу или нашей душе. Отсюда следует, что поскольку предназначение рыцарей заключается в том, чтобы преследовать и уничтожать злокозненных людей, и поскольку никто не подвергается стольким опасностям, как рыцари, можно ли себе представить что-то более необходимое рыцарю, чем мудрость? Умение рыцаря побеждать в турнирах и на полях сражений не столь тесно связано с рыцарским предназначением, как умение здраво мыслить, рассуждать и управлять своей волей, ибо благодаря уму и расчету было выиграно куда больше сражений, чем благодаря скоплению народа, амуниции или рыцар-

ской отваге. Отсюда следует, что коль скоро это так, то если ты, рыцарь, намерен готовить своего сына для рыцарского поприща, тебе следует учить его мыслить и рассуждать, дабы возлюбил он добро и возненавидел зло, ибо благодаря этому мудрость и рыцарство сливаются воедино и пребывают вместе во славу рыцарства.

Мужество – это добродетель, не позволяющая проникать в благородное сердце рыцаря семи смертным грехам, которые прямой дорогой ведут к вечным мукам преисподней и которые суть следующие: чревоугодие, сладострастие, скупость, уныние, гордыня, зависть, гнев. Поэтому рыцарю, выбравшему эту дорогу, не попасть в то место, которое душевное благородство выбрало своей вотчиной.

От сопутствующих чревоугодию пресыщения и опьянения тело начинает дряхлеть; сопутствующие чревоугодию чрезмерные траты на еду и питье влекут за собой нищету; чревоугодие настолько переполняет тело различными яствами, что становится оно рыхлым и вялым. Отсюда следует, что поскольку все эти качества чужды рыцарству, рыцарь должен мужественно преодолевать их воздержанием и постом, дабы одолеть таким образом чревоугодие и связанные с ним страсти.

Сладострастие и мужество вечно враждуют. Сладострастие призывает в помощь себе молодость, внеш-

нию привлекательность, обильную еду и обильную выпивку, роскошную одежду, случай, ложь, измену, несправедливость, неверие в Бога и вечную жизнь, равнодушие к ожидающим грешников вечным мукам и многое другое в этом же роде. Мужество призывает себе в помощь нашу память о Божьих заповедях, наше представление о Боге, о благах и наказаниях, которые от него зависят, о нашей любви к Богу, ибо достоин он и любви и страха, и восхвалений и послушания. И призывает мужество себе в помощь также душевное благородство, которое не намерено подчиняться низким и подлым помыслам, не намерено, дорожа мнением людей, пятнать себя позором. Отсюда следует, что поскольку рыцарь зовется рыцарем, дабы противостоять порокам силой своего духа, то у рыцаря, лишённого мужества, не хватает духа, присущего рыцарям, и нет оружия, без которого не сможет рыцарь одолеть своих врагов.

Скупость – это порок, который стремится проникнуть в сердце, дабы склонять его к низким целям; поэтому если душевное благородство чуждо рыцарям, то беззащитны они против скупости, и будут рыцари алчными и скупыми, и будет толкать их корысть на разные преступления, и станут они рабами и слугами тех земных благ, которые им даны Господом, дабы они ими пользовались. Природа мужества такова, что оно приходит на помощь только в тех случаях, когда на не-

го уповают, в противном же случае оно остается безучастным, ибо таких почестей оно достойно, что в горе и страданиях надлежит уповать на него и прибегать к его помощи. Поэтому если жадность склоняет рыцаря к какому-либо прегрешению, измене или вероломству, он должен уповать на мужество, в котором нет места непостоянству, малодушию, унынию и которое всегда готово поддержать его. Тем самым мужество закаляет благородное сердце и позволяет ему преодолеть все соблазны; так зачем же, скупой рыцарь, сердце твое не столь благородно и мужественно, чтобы отринуть от себя все низкие помыслы и низкие поступки, к которым побуждает тебя скупость? Ибо если бы скупость и рыцарство были бы в ладу друг с другом, что мешало бы тогда ростовщикам быть рыцарями?

Уныние – это порок, благодаря которому рыцарь склоняется скорее к злу, нежели к добру. Поэтому этот порок скорее, нежели иные пороки, свидетельствует о грядущем осуждении человека, равно как и отсутствие этого порока, скорее, нежели иные добродетели, свидетельствует о грядущем спасении человека. Отсюда следует, что тот, кто вознамерился побороть уныние, должен иметь в своем сердце мужество; оно позволит ему приглушить естественные позывы нашей плоти, которая благодаря своей предрасположенности к похоти и грехопадению Адама тяготеет к злу. Тот, кто предается унынию, огорчается, видя добрые дела другого;

он огорчается так же, если кто-то приносит себе вред, ибо всегда хочется ему еще большего вреда.²⁵ Поэтому добро и зло, совершаемое другими людьми, одинаково причиняют ему боль и страдания. Отсюда следует, что, поскольку досада является источником невзгод и страданий, ты, рыцарь, если намерен победить этот порок, должен прибегнуть к помощи мужества, дабы не дало оно унынию обосноваться в твоём сердце; а мужество одержит верх, ибо напомним, что если милость Господа распространяется на одного человека в отдельности и на всех вместе, то почему же она не должна распространяться на тебя, ведь в этом случае от его щедрот ничего не убудет и в тебе ничего не убавится.

Гордыня – это порок неравенства, ибо высокомерный человек хочет быть единственным в своём роде и поэтому чурается людей. И поскольку смирение и мудрость суть добродетели, противоположные гордыне и предполагающие равенство, то если ты, рыцарь, обуздаваемый гордыней, вознамеришься преодолеть свою гордыню, позволь своему сердцу проникнуться одновременно смирением и мужеством; ибо смирение без

²⁵ ...ибо всегда хочется ему еще большего вреда. – В списке, хранящемся в Библиотеке Каталонии в Барселоне, уточнение «еще большего» отсутствует. Однако нам представляется убедительной интерпретация Альбера Соле, восстанавливающего смысл, следуя списку из Библиотеки монастыря Святого Франциска в Пальма де Майорка.

мужества лишено силы и не осилить ему гордыню. Есть ли у тебя повод быть высокомерным, когда во всем блеске своих доспехов ты гарцуешь на своем могучем коне? Нет, если смирение найдет в себе силы напомнить тебе о твоём рыцарском предназначении. Если же ты высокомерен, не найдешь ты в себе силы изгнать из твоего сердца честолюбивые планы. А если выбит ты из седла, и побежден, и взят в плен, будешь ли ты столь же высокомерен, как и прежде? Нет, ибо силой оружия будет сломлена гордыня в сердце рыцаря, несмотря на то что душенное благородство не зависит от плоти; насколько же успешнее должны изгонять гордыню из благородного сердца смирение и мужество – достоинства души, свидетельствующие о силе духа.

Зависть – это грех, противный щедрости, милосердию и великодушию, наилучшим образом соответствующим природе рыцарского ордена. Поэтому при порочном сердце рыцарь не сможет быть достойным своего призвания. Если лишен он силы духа, зависть вытравит из сердца рыцаря справедливость, милосердие и великодушие; и станет тогда рыцарь завидовать чужому богатству, но лень ему будет добывать его себе силой оружия; и станет он тогда злословить о том, что оно не идет само ему в руки; и поэтому зависть вынудит его замышлять вероломства и злодейства.

Гнев – это разлад в человеческом сердце, теряющем

способность помнить, понимать и любить. Воспользовавшись этим разладом, память превращается в забвение, понимание в невежество, а любовь во вспыльчивость. Поэтому коль скоро память, понимание и любовь являются тем светом, который позволяет рыцарю следовать дорогой рыцарства и который гнев и сердечный разлад пытаются из сердца вытравить, ему надлежит уповать на силу духа, а также на милосердие, самоограничение и долготерпение, служащие препятствием на пути гнева и утешением в тех бедах, которыми мы обязаны гневу. Чем сильнее гнев, тем большей силой должны обладать милосердие, самоограничение и долготерпение, способные его одолеть. Найдет человек в себе силы, остынет его гнев и проникнется он милосердием, самоограничением и долготерпением. А лишь только ослабеет гнев и наберут силу все вышеупомянутые добродетели, так теряют силу неприязнь и раздражительность, а там, где в чести добродетели и не в чести пороки, в чести будут и справедливость, и мудрость; а там, где в чести будут справедливость и мудрость, в чести будет и рыцарский орден.

Мы говорили о том, как удается мужеству противостоять в человеческом сердце семи смертным грехам. Теперь обратим наше внимание на воздержание.

Воздержание – это добродетель, находящаяся между двумя пороками: первый порок – это грех избытка,

второй – недостатка. Поэтому умеренности, расположившейся между преизбытком и недостатком,²⁶ должно быть ровно столько, чтобы она оказалась добродетелью, ибо не будь она добродетелью, получалось бы, что нет зазора между избытком и недостатком, а это не так. Рыцарь добрых нравов должен знать меру в отваге, в еде, в питье, в разговоре, столь облюбленном ложью, в одежде, нередко ведущей к тщеславию, да и во многом другом. Без воздержания не смог бы он умножать славу рыцарства и не располагалась бы она в золотой середине, являя собой добродетель, суть которой именно в том, чтобы избегать крайностей.²⁷

Рыцарь должен неукоснительно принимать участие в богослужениях, слушать проповеди, молиться Богу, любить его и бояться, ибо привыкает он тогда к мыслям о смерти и о бренности всего земного, и молит он Бога о вечном блаженстве, и страшится он вечных мук, и проникается он тогда добродетелями и душевными склонностями, свойственными рыцарскому ордену. Между тем если рыцарь ведет себя совсем ина-

²⁶ ...*между преизбытком и недостатком*... – «Недостаток», пропущенный в списке, хранящемся в Библиотеке Каталонии в Барселоне, присутствует во всех других списках.

²⁷ ...*и не располагалась бы она в золотой середине, являя собой добродетель, суть которой именно в том, чтобы избегать крайностей*. – Льюль следует аргументации Аристотеля, изложившего свою концепцию добродетели как обладания серединой в «Никомаховой этике» (Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4, С. 86 и сл.).

че и верит гаданиям и пророчествам, то поступает он наперекор Господу и полагается он и уповает скорее на завихрения в своем мозгу, на парящих птиц да на предчувствия, чем на Господа и его творение; поэтому не угоден такой рыцарь Господу и не умножает он славу рыцарского ордена.

Ни плотник, ни сапожник, ни другие ремесленники не смогли бы заниматься своим делом, не обладай они навыками, свойственными их профессиям. Поэтому если Господь наделил рыцаря разумом и осмотрительностью, дабы овладел он ратным делом и отстаивал дело и принципы рыцарства, рыцарь, коль скоро он забудет о своей осмотрительности и о своем благородии, внушаемом ему разумом, и вытравит благородство из своего сердца, и обратится вновь к гаданиям и пророчествам, поступит как безумец, отринувший разум и поступающий так, как ему взбредет в голову. Поэтому такой рыцарь поступает наперекор Господу, и противник, опирающийся на разум, осмотрительность и веру в Бога, должен, по здравому рассуждению, победить его и одержать над ним верх. Если бы это не было так, то получалось бы, что гадания, пророчества и безрассудное сердце скорее в ладу с рыцарским орденом, чем Бог, осмотрительность, вера, надежда и невиданное душевное благородство; а это невозможно.

Подобно судье, который хорошо выполняет свои обязанности, если судит исходя из свидетельских по-

казаний, рыцарь выполняет свои, если полагается на доводы рассудка, подсказывающие ему, как надлежит вести себя на ратном поприще. И подобно судье, который судит на основе не свидетельских показаний, а гаданий и предсказаний, рыцарь не выполняет своих обязанностей, если, утаивая то, что внушают ему доводы рассудка, уподобляется птице, по воле случая парящей и порхающей в небе. А коли это так, рыцарь должен полагаться на доводы рассудка, не забывая о символике рыцарского вооружения, о чем выше уже шла речь, и не возводить волю случая ни в обязательство, ни в привычку.

Рыцарю надлежит всеобщее благо ставить превыше всего, ибо для людского сообщества было учреждено рыцарство и всеобщее благо предпочтительнее блага личного.²⁸ И речи рыцаря, и его одежды, и его доспехи должны быть красивы, и просторным должен быть его дом, ибо все это служит ко славе рыцарства. Учтивость в ладу с рыцарством, в то время как низость и непристойность ему чужды. Люди добрых нравов в личной жизни преданны, честны, отважны, великодушны, благопристойны, скромны, милосердны и наделены многими другими присущими рыцарству достоин-

²⁸ ...*всеобщее блат предпочтительнее блага личного*... – Нельзя не отметить некоторое противоречие между данным тезисом и утверждением (гл. 5) о том, что. «подобно шиту, который оказывается между рыцарем и его врагом, сам рыцарь находится между монархом и народом».

ствами, ибо подобно тому как человек должен сознавать величие Господа, рыцарю должно быть присуще все, что, благодаря тем, кто принадлежит к рыцарскому ордену, составляет его славу.

Сколь истово ни заботился бы рыцарь о своем коне, не ухоженному коню обязан славой рыцарский орден, а тому, насколько истово заботился рыцарь о самом себе и о нравах своего сына; ибо не в коне заключается рыцарство, а в самом рыцаре. Поэтому рыцарь, который уделяет внимание своему коню и не уделяет внимания самому себе и своему сыну, едва ли не превращает самого себя и своего сына в животных, а коня своего – в рыцаря.

Часть 7

О тех почестях, которые надлежит воздавать рыцарю

И Господь, и люди воздали рыцарю почести, и немало об этом сказано в этой книге; следовательно, рыцарство – это поприще и почтенное, и необходимое для сохранения надлежащего порядка в мире; а коль скоро это так, то рыцарь по всем возможным причинам должен пользоваться всеобщим почетом.

Если монарх, король или вельможа должен быть рыцарем, ибо, не будучи наделен рыцарским достоинством, не достоин он быть королем или вельможей,²⁹ то монархи и высокородные бароны должны воздавать рыцарям почести; ибо подобно рыцарям, прилагающим все усилия к тому, чтобы слава монархов и высоких вельмож превосходила славу всех остальных смертных, монархи и бароны должны прилагать все усилия к тому, чтобы слава рыцарей превосходила славу всех остальных смертных.

²⁹ *Если монарх, король или вельможа должен быть рыцарем ~ не достоин он быть королем или вельможей...* – Ср. в «Семи частях» Альфонса Мудрого: «В прежние времена рыцарский орден окружали таким почтением, что, только став рыцарями, императоры и короли могли быть коронованы и облечены полнотой власти» (ч. 2, гл. 21, закон 11)

Рыцарство сообразно с привилегированностью, а привилегированность – с достоинствами монарха и короля, отсюда следует, что рыцарь должен пользоваться привилегированным положением, а монарх и король должны быть его господами. А если это так, то честь монарха или любого иного вельможи должна быть в ладу с честью рыцаря, дабы господин обладал владениями, а рыцарь был покрыт славой.

Рыцаря с незапятнанной честью любят за то, что он добрый, боятся потому, что он сильный, прославляют за добрые дела, а к помощи его прибегают потому, что он любимец и советчик господина. Поэтому пренебрежительно относиться к рыцарю как к одному из смертных – значит пренебрежительно относиться ко всему вышеизложенному, обязывающему нас воздавать рыцарю почести.

Господин, который в присутствии своей свиты, своих придворных и во время трапез оказывает честь рыцарю, печется о том, чтобы во время сражений честь его не пострадала. Господин, который назначает послом мудрого рыцаря, доверяет свою честь душевному благородству. Приумножая честь своего рыцаря, господин приумножает свою собственную честь. Господин, который всячески поддерживает своего рыцаря, соответствует своему положению и укрепляет его. Господин, который покровительствует рыцарю, не чужд рыцарству.

Домогаться жены рыцаря и склонять ее к блуду недостойно рыцарства. А жена рыцаря, родившая ребенка от простолюдина, наносит урон чести рыцаря и его родословной. И распутный рыцарь, имеющий ребенка от простолюдинки, наносит урон и своему благородному происхождению, и рыцарству. Тем самым благородное происхождение рыцаря и его жены, освященное браком, сообразно рыцарству, а низменные устремления наносят рыцарству урон.

Если простые смертные должны воздавать почести рыцарю, то долг рыцаря перед самим собой и себе подобными неизмеримо выше. И если рыцарь призван воздавать должное своему телу, заботясь о том, чтобы вооружение и одежда приличествовали его положению и чтобы прислуживали ему люди добрых нравов, насколько же большей должна быть его забота о своем великодушном сердце, благодаря которому он стал рыцарем. Ибо непоправимый урон наносится его душе, если впускает он в него низкие и подлые мысли, вероломство и измену и изгоняет из него благородные мысли, свойственные благородному сердцу.

Рыцарь, который позорит самого себя и себе подобных, теряет честь и достоинство, ибо будь иначе, это было бы несправедливо по отношению к тем рыцарям, которые приумножают славу рыцарства в себе самих и в себе подобных. Поэтому если рыцарство именно в рыцаре и заключается, от кого, как не от рыцаря, зави-

сит честь и бесчестье рыцарства?

Велики те почести, которые надлежит воздавать рыцарю, но еще более велика та слава, которую он призван принести рыцарству. И поскольку мы вознамерились написать книгу, посвященную ордену клириков,³⁰ то мы себе позволили в столь краткой форме изложить содержание «Книги о рыцарском ордене», которую на этом и завершаем к вящей славе Господа нашего Иисуса Христа.

³⁰ ...мы вознамерились написать книгу, посвященную ордену клириков... – Не исключено, что подобная книга – «libre del ordre de clerecia», – была Льюлем написана, но, как и некоторые иные его сочинения, до нас не дошла. Сохранилась другая его книга – «liber clericorum», написанная на латыни в 1308 г.